

**Федор Московцев
Татьяна Московцева
Таверна «Не уйдешь!»**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4436557

Аннотация

Чёрная комедия в духе фильма «Полный облом» (Big Nothing). Размеренную жизнь Майкла Гудмэна, специалиста по ЛОР-болезням клиники «Седарс-Синай», нарушил форс-мажор в лице Клары Юргенс, которая обратилась в клинику с жалобами на то, что в ее ухе поселился опасный паук. Она потребовала, чтобы доктор Гудмэн, ведущий специалист престижного медцентра, сделал операцию по удалению паука из ее уха, тогда как он всеми силами старался определить сумасшедшую пациентку к соответствующему доктору – психиатру. Однако у нее обнаружились влиятельные родственники, которые привели необходимые доводы и заставили Майкла подыграть ей и инсценировать операцию: дать наркоз, а когда она очнется, показать ей паука, якобы извлеченного из ее уха. И доктор Гудмэн был вынужден согласиться на эти условия. Он сделал все, о чем его попросили, и состояние пациентки реально улучшилось. Она избавилась от своей фобии, мрак ее жизни преодолел сам себя. Через некоторое время Майкл закатился с друзьями в таверну с необычным названием «Не уйдешь!» и поведал им эту необыкновенную историю об удалении паука из уха душевнобольной Клары Юргенс. По мере приближения к развязке и уменьшения содержимого выставленных на столе бутылок виски подробности шумного разговора постепенно становились достоянием всех посетителей заведения даже против их воли. По интересному стечению обстоятельств в числе этих посетителей оказалась героиня истории Клара Юргенс, которую от компании загулявших врачей отделяла тонкая перегородка. Дослушав историю до конца и узнав о том, что ее разыграли, она обнаружила свое присутствие и предстала перед докторами в своем самом чистом и самом незамутненном виде: искрящиеся безумием глаза, угрожающая поза.

И тут начался АД! Посетители таверны «Не уйдешь!», которые смогли уйти из заведения этим вечером, унесли с собой массу интересной и необычной информации – а именно историю странного названия таверны, а также причину умопомешательства Клары Юргенс, и эта причина заключалась в совершенно заурядных бытовых вопросах. Развитие которых зашло слишком далеко и превратилось в кошмар.

Лейтмотивом произведения проходит тема нетерпимости, доминирования и подавления в отношениях между близкими людьми.

Основано на реальных событиях.

Федор Московцев, Татьяна Московцева Таверна «Не уйдешь!»

Яркий солнечный свет врывается в кабинет заведующего ЛОР-отделением клиники Седарс-Синай (The Cedars-Sinai Sinus Center) Майкла Гудмэна и ложился на пол правильными квадратами – на окне была установлена мощная решетка.

– Ты никуда не пойдёшь! Никаких «ресторанов с подругами»! По ресторанам будешь ходить только со мной! – говорил он резко в телефонную трубку, но при этом улыбался и его лицо буквально излучало дружелюбие.

– Что за средневековый подход! – доносился в ответ женский голос из трубки. – Современная женщина должна иметь права и свободы!

– Да, Адель, «современная женщина должна»...

– Майкл, милый, ну, наконец, ты меня отпускаешь?

– Ты не дослушала, я хотел сказать, что современная женщина должна иметь права и свободы, а моя жена нет! И да, я отпускаю тебя, я не запрещаю тебе искать нездоровых страстей, но когда ты вернёшься домой, замки будут сменены.

– Сексист, шовинист, неандерталец!

– Я забочусь о твоей безопасности, знаешь, что бывает, когда девушка ходит одна по заведениям?!

– Ты заботишься о том, как бы посильнее меня унижить! – с этими словами Адель прервала телефонный разговор.

Майкл, габаритный 35-летний мужчина, лысоватый, с добродушным круглым лицом, некоторое время смотрел на примолкшую телефонную трубку, затем набил СМС: «Дорогая, я очень за тебя волнуюсь, потому что сильно тебя люблю. Если бы не любил, то позволял бы шляться где угодно, мне было бы всё равно. Обнимаю, целую».

Отправив сообщение, Майкл улыбнулся. Когда он не подавлял жену, то излучал бесконфликтность, сытость и довольство.

Зазвонил городской телефон – медсестра Марта, выполнявшая обязанности секретаря, напомнила, что через десять минут придёт очередной пациент на консультацию. Майкл озадаченно посмотрел на часы:

– Разве у меня на это время есть запись?

– Так точно, господин Горелик записан на 13–00.

– Черт, я опять без обеда! – сокрушенно сказал Майкл.

Марта услужливо предложила:

– Я схожу в бистро – что вам принести?

– Бистро это не то, совсем не то... ну ладно, принеси мне...

И он стал диктовать свои гастрономические пожелания.

В 13–00 он принял пациента, и, отпустив его в 13–45, пообедал на скорую руку доставленными из бистро рыбными бургерами, а в начале третьего входил в операционную. Подготовленный пациент лежал на операционном столе. Майкл поприветствовал операционную бригаду, и, подойдя к Джамалу Хамиди, кудрявому херувиму-анестезиологу, сказал вполголоса, так, чтобы никто не услышал:

– Снова приходили из Управления наркоконтроля.

– Да у меня всё в порядке!

– Да, конечно... Последнее предупреждение: если ещё раз выявится недостача по наркотикам, я отойду в сторону и предоставлю тебе возможность защищаться самому, – Майкл показал, что умывает руки, точно таким же движением, как минуту назад в предоперационной, где он ополаскивал руки в дезинфицирующем растворе.

Он подал знак ассистенту, началась операция – аттико-антротомия, пациенту с хроническим нагноением с прогрессирующим кариесом необходимо было вскрыть сосцевидный отросток и аттик и элиминировать гнойный очаг.

После операции Майкл вернулся в свой кабинет, и, фыркнув: «Фуу, запарился», снял хирургический костюм; и переодевшись, накинув бежевую замшевую куртку, вышел на улицу. Не пройдя и пятидесяти шагов, он встретился с Артуром Уомаком, заместителем директора клиники. Замдиректора, кряжистый пятидесятилетний мужчина, из-за эффектных мешков под глазами напоминавший усталого породистого пса с непростой судьбой, неожиданно вышел из чёрного Мерседеса, помахал рукой сидевшему за рулём мужчине, директору компании – поставщика медицинского оборудования, и, увидев Майкла, широко улыбнулся. Для начала Артур Уомак потерзал ухоженную руку Майкла своей стальной клешней, потом они завели обычный приятельский трёп. Артур говорил со стальным акцентом, слегка надтреснутым голосом, но при этом очень уверенно и напористо:

– ...когда-то мой отец получал \$100, и на это семья должна была жить неделю, – сказал он, провожая взглядом машину фирмача, от которого только что получил пухлый конверт. – А сейчас я тихо попиваю винишко на своей вилле в престижном районе и наслаждаюсь обществом длинноногих красоток. Как тебе такие перипетии, а?!

Майкл усмехнулся: что верно то верно – замдиректора постоянно находится в компании хихикающих девушек, явно ведомых не только платоническими намерениями.

Пообщавшись с Артуром, Майкл дошёл до цветочного магазина, где купил пышный букет роз. Выйдя от цветочника, на мгновение остановился, чтобы полюбоваться розами. Мимо носа пронёсся запах мексиканской еды, где-то сзади заголосил ребёнок в коляске, из сумки проходившего мимо пешехода пискнул айпэд, в вышине прокричала чайка. А прямо перед Майклом совершенно неожиданно материализовалась Клара Юргенс, brutальная женщина с короткой стрижкой, легенда и проклятие медицинских кругов Лос-Анджелеса. Ещё несколько лет назад она была больше известна как вдова погибшего в ДТП владельца компании по изготовлению железных решёток, дверей и прочих металлоконструкций (дело которого она продолжает, правда, не так успешно, как он), но за шесть лет, прошедших с момента его гибели, она обзавелась своей собственной репутацией, – репутацией склонной к сутяжничеству пациентки, которая постоянно на что-то жалуется. И не собирается прекращать это занятие, мнится, она будет сутяжничать, пока существует свет.

Изменилась она и внешне – если раньше Майкл находил её достаточно привлекательной, то теперь она погрузнела и превратилась в мужиковатую вамп с диковатым застывшим взглядом и низким «готическим» голосом. Вдова Юргенс точно сошла с резной гравюры, сохранив каким-то чудом одновременно и её неподвижность, и её особенную деревянную неприветливость.

Увидев её, Майкл невольно вздрогнул:

– Вы не к нам заходили, миссис Юргенс?

– Нет, я иду из неврологии.

– То есть уши больше вас не беспокоят?

– Нет, спасибо, вы меня полностью исцелили.

Майкл немного отошёл от лёгкого шока и заговорил своим профессионально-задушевым голосом:

– Прекрасно! Буду рад встретить вас снова, но за пределами больничной территории.

Её мертвенно-безразличное и далёкое выражение лица изменилось, в глазах появился некоторый интерес.

– Всё же, я бы хотела проконсультироваться у ЛОР-врача.

Он невольно поморщился.

– Да, конечно, лучшее лечение – это профилактика! Приходите, вы знаете, как меня найти.

– О, пустяки! У вас, как у заведующего, полным полно более серьёзных пациентов. Я обращаюсь в обычном порядке к дежурному доктору, – она говорила голосом очень ровным, невыразительным, без резкого изменения интонаций.

Майкл мысленно перекрестился:

– У нас очень отзывчивый персонал, вас примут с должным вниманием.

– Ой, вы знаете, прошлой ночью у меня кололо и стреляло в правом ухе. Что-то царапало, скреблось, мне даже показалось...

Майкл с силой сжал букет. Следующие десять минут он терпеливо выслушивал жалобы миссис Юргенс, которые она извлекала из памяти, как старый хлам из чулана.

«Что она выкинет в этот раз?» – мрачно гадал Майкл.

И по окончании беседы оказалось, что рядовой врач ЛОР-отделения не обладает должным уровнем компетенции, чтобы разобраться в таком серьёзном клиническом случае. Не выдавая своих чувств, Майкл сказал:

– Я приму вас, давайте договоримся ближе к концу недели... а лучше в начале следующей, сейчас у меня аврал, с завтрашнего дня операции следуют одна за другой... – он осмотрел её правое ухо, пощупал региональные лимфоузлы, убедился, что чисто внешне всё в порядке. – Знаете, я бы рекомендовал обратиться к дежурному врачу в любое удобное время, вы пройдёте обследование, результаты которого сразу же будут мне известны, после чего мы созвонимся, и определимся, как нам поступить.

На этом они расстались. Майкл направился в своё отделение, вдова Юргенс – к бордовому пикапу Dodge Ram, грозный экстерьер которого гармонировал с образом хозяйки.

* * *

Воздух был прозрачен, небо с высокими облаками, светло-голубое вверху, было затянуто у горизонта тёмной полоской, ветви кипарисов, встрепенувшись, тянулись вверх, к солнцу. Клара Юргенс стояла возле могильного камня и думала свою тяжёлую думу. Рядом находился её 18-летний сын Клэй, также думавший свою юношескую думу. Тени, едва обозначенные солнцем сквозь облака, так мистически действовали на душу, что, казалось, будто свои «думы» есть у травы, у деревьев, у неба и даже у надгробия с начертанным на нём именем: Удо Юргенс. Ровно шесть лет прошло с тех пор, как изуродованное тело попавшего в ДТП мужа Клары, Удо Юргенса, было похоронено здесь.

– Слушай, ма, мы приедем домой, и я буду свободен, а? – спросил Клэй. Бледный и худой, как жердь, разговаривавший так, будто его рот забит кашей, постоянно бормотавший что-то под нос, словно рэпер, он стал выпрашивать, не будет ли сегодня каких-либо дел – ему хотелось, не отвлекаясь, пройти все уровни новой компьютерной игры.

В этот момент туловище миссис Юргенс накренилось, и она стала прохаживаться, корчась от боли.

– Проклятая спина, – кряхтела она.

– Спина? – пробормотал Клэй, поддерживая мать.

– Спина, голова, всё вместе, что-то во мне там, на хрен, происходит.

Приступ скоро закончился, и миссис Юргенс возвратилась к надгробию, чтобы поговорить с покинувшим её супругом.

– ...дикарское и чувственное восприятие мира лишило тебя многих душевных возможностей, есть вещи, которые навсегда остались для тебе недоступны, тебе недоступен был мир возвышенных чувств. И посмотри, чем ты кончил... Но я всё равно любила тебя таким, каким ты был...

* * *

Оказавшись дома, в своей комнате, Клэй вскрыл коробку с игрой “Rage” и запустил её на приставке. Герой на экране очень суров, настоящий мужик. Его преследует вооруженная банда. Клэй стал расстреливать бандитов. В дверь просунулась голова матери: «Я приготовила обед». Клэй, не оборачиваясь: «Окей, щас приду». Она ушла, затем вернулась.

– Ништяк игра! – бросил он через плечо.

– Это прислали от Spydee?

– Да, мам.

– Уж очень воинственная.

– В самый раз.

Клэй превратил голову бандита в кровавое облако. И продолжил беззаботно отстреливать остальных злодеев – бах, бах, бах, бах! Понаблюдав некоторое время за игрой, заботливая мама сказала:

– Ладно, оставь на потом, а то всех расстреляешь, некого будет убивать после обеда.

* * *

После совещания, в холле, заместитель директора клиники Артур Уомак взял под руку и решительно отвлёл в сторону Майкла Гудмэна. И в своей обычной жестковатой манере предложил куда-нибудь съездить пообедать. Майкл нехотя согласился.

Встреча с Артуром проходила не в его любимой байкерской таверне, а, по настоянию Майкла, в отделанном розовой штукатуркой и украшенном зелёными навесами Cafe Vida, заведении, специализирующемся на здоровой пище. Майкл первым делом заказал себе напиток из капусты.

Холодным взглядом рассмотрев девушек за соседним столом, судя по всему, лесбиянок-феминисток, Артур сказал:

– Давно хочу спросить: отчего у тебя такая привязанность к этим блеклым цветам – бежевый, зеленый, желтый? Ни разу не видел тебя в строгом тёмном костюме. Да и все твои машины каких-то невзрачных расцветок.

– Гм... на вкус и цвет приятелей нет.

– Что значит «на вкус и цвет»? У тебя мужественная внешность и характер соответствующий, ты успешный парень и добьёшься в жизни ещё больше, и цвета должен выбирать соответствующие! – доверительность и теплота, возникавшие из интонаций голоса Артура, обожженного виски и сигаретами, смягчали резкость высказываний; к тому же у собеседников давно сложились дружеские отношения, позволяющие подобные замечания.

– Ну не знаю. Моя жена Адель любит строгие тона, в частности обожает чёрный. Мы прекрасно уживаемся, и она не считает, что мои любимые цвета – немужественные.

В данный момент Артур Уомак был облачен в тёмно-синий, как ночное небо, костюм, который, как и все остальные его костюмы, мрачной глубиной своего тона гармонировал со всем его величавым обликом.

Артур сказал:

– А я считаю, что чёрный, синий... на худой конец тёмно-серый... в общем, я уверен, что настоящему мужчине пристало носить одежду строгих оттенков.

– В теме внешнего вида в последнее время происходит сплошная подмена понятий, – многозначительно сказал Майкл, с тревогой отмечая, что его собеседник уже навеселе, и дело не в бокале вина, который он осушил залпом и попросил повторить. Очевидно, он под-

дал ещё на работе и сел в таком виде за руль своего чёрного-пречёрного Lincoln Town Car. – У тебя цветовая нетерпимость – одна из разновидностей фобий. Надеюсь, это лечится.

Получив отпор, Артур переменял тему и заговорил о женщинах. Он находился в припадке откровенности и необходимости поговорить, особенно характерном именно для выпивших людей его размашистого типа. Обычно, находясь в подобном состоянии, он описывал свои любовные приключения, причем во многих случаях явно фантазировал и преувеличивал. Майкла приятно удивляло, что ни об одной из своих многочисленных жертв он не отзывался дурно; во всех его воспоминаниях было нечто вроде смеси разгула с нежностью. Это был очень особенный оттенок чувства, характерный именно для него, в нём была несомненная и невольная привлекательность, и Майкл понимал, почему этот человек мог иметь успех у многих женщин.

В этот раз он заострил внимание на одной из них – на Элле Минетта, «которую никто никогда не затмит».

– ...но лучше за всю жизнь не было никого, чем моя Элла, – вздыхал он.

Вот и сейчас, сделав несколько жадных глотков вина, он рассказал Майклу то, что ему уже было известно во всех подробностях, а именно то, что Элла обладала всеми решительно достоинствами (что само по себе удивительно), но удивительнее всего было то, что она ездила на мотоцикле лучше любого байкера.

– А уж как она работала языком... о боги!

(в устах стареющего плэйбоя любая пошлость вдруг оказывалась исполнена суровой и пугающей значительности).

– Одного ей не хватает – фантазии, – отметил Майкл, которому довелось однажды побывать в компании Эллы, во время одной из вечеринок в доме Артура, половину времени которой Элла томно вздыхала, другую половину – шутила на тему вагины.

Впрочем, в этот раз Артур ограничился кратким монологом, посвящённым прелестям бесовки Эллы, прошёлся, с употреблением эксплицитной лексики, по тому, как она внезапно исчезла из города, не попрощавшись и не сообщив, куда направляется, и подробно остановился на том, как обнаружил её фото в интернете.

– ...да-да, не просто фото, а парочка изображений в голем виде на пляже, потом в обнимку с каким-то мужиком. Было много других фотографий, с другими девушками, я стал искать, где оставить сообщение, но нажал на какую-то ссылку и оказался на другом сайте, опять на что-то нажал, и потом не смог найти ту страницу, где была Элла.

– А что это был за сайт?

Артур пустился в объяснения:

– Я толком не понял, я вообще искал в Гугле тренажеры для отделения реабилитации, для тредмила, выскочили фотографии по этой тематике, я стал их просматривать, и тут увидел фотографию Эллы, перешёл на какой-то сайт, а там целая галерея. Я так и не понял, что за фигня, потому что бабы все разные, в разной обстановке. Черт, надо было мне раньше освоиться с интернет-особенностями, вот как мне теперь её найти?

– Знаешь, сейчас очень много таких пользователей, я их называю интернет-онанистами, которые вывешивают в своих блогах фотки голых баб. Какая-нибудь девушка выложит своё обнаженное фото, и через день оно красуется на тысячах интернет-страницах, возбуждая интернет-пользователей.

– Ну... Элла кого хочешь перевозбудит.

Майкл усмехнулся:

– Чтобы появиться в дроверском блоге, необязательно обладать красотой Эллы. Они всеядны. Даже если мы с тобой сфотографируем свои голые волосатые задницы и выложим их в интернете, то найдутся охотники подрочить и на них.

Артур поморщился:

– Да ну!

– Я это к тому говорю, что тот сайт, на котором ты видел фотографию Эллы, скорее всего, не имеет к ней никакого отношения и её фото попало туда через десятые, пардон, нечистые руки...

Тут принесли десерт.

– Если бы моя жена размещала свои фото в соцсетях... даже не представляю, что бы я с ней сделал, – с этими словами Майкл резким жестом предложил Артуру десерт, но тот отказался, потому что в этот момент курил.

Он выдохнул дым:

– А вот это уже нетерпимость к соцсетям! Надеюсь, это лечится.

Когда вышли на улицу, Артур снова вспомнил про Эллу.

– У неё такой чудесный смешной ротик...

И, стоя возле машины, он ещё десять минут в красках рассказывал о том, что она этим ротиком вытворяла.

* * *

Подъездная дорога, которая вела к голливудскому особняку Майкла, была настолько крутая, что со стороны была похожа на бетонную стену. Когда он купил этот дом середины XX века с потрясающим видом на город, ему казалось, что подниматься по этой дороге – ужасное мучение. Чтобы забраться наверх, нужно выехать на обочину, развернуться, проехать немного назад и затем очень быстро повернуть на 90 градусов, чтобы не поцарапать днище. Позже, Майкл оценил крутость подъезда: жене не так-то просто будет выбраться из дома.

В холле его встретила жена Адель, миловидная темноволосая 25-летняя женщина приятной полноты, и четырёхлетний сын Макс. Расцеловав домочадцев, вручив жене цветы, Майкл направился в свой кабинет. Адель с Максом проследовали за ним.

– Я приготовила отбивные с овощным рагу.

– Папа, давай поиграем в футбол!

Переодеваясь, он размышлял, сможет ли осилить приготовленный женой обильный ужин – ведь он уже наелся в кафе. Он сказал, что сперва погоняет с сыном мяч, а потом поужинает. На лужайке, играя в футбол, он поддавался ребенку, пропускал удары, чтобы больше побегать. И когда семья собралась за столом, почти проголодался. Он посмотрел на часы – циферблат показался ему спокойным, стрелки сонными, мирными.

– Ты ешь без аппетита, ты где-то успел поужинать! – заметила Адель.

Тут он вспомнил миссис Юргенс, вызвавшую массу довольно неожиданных эмоций.

– Просто... я встретил одну неприятную мадам, которая испортила мне весь аппетит.

И он напомним прошлогоднюю историю, когда вдова поступила в ЛОР-отделение с жалобами на острую боль в правом ухе. Осмотр ничего не выявил, врачи склонялись к тому, что у пациентки нервно-психическое расстройство и ей надо обратиться к соответствующему специалисту, но её пришлось госпитализировать по звонку одного высокопоставленного чиновника.

– Он такой влиятельный, что по его указке ты госпитализировал психически больную тётку?

– Да, Адель, я пошёл на поводу в обмен на то, чтобы Управление наркоконтроля закрыло дело в отношении моего многогрешного анестезиолога.

– Но как ты её лечил?

– Плацебо, то есть под видом лекарства ей капали в ухо дистиллированную воду, делали физиотерапию, и так далее. Под влиянием мнимого лечения она почувствовала себя лучше и через неделю попросилась на выписку.

С приближением ночи Майкл сделался необычайно ласков и разговаривал с женой, улыбаясь нежной улыбкой, способной растопить самое холодное сердце в мире. Он согласился купить набор дизайнерских кресел-«лебедей» чёрного цвета, который так любила Адель. По её мнению, чёрный – это и не цвет, и не сумма цветов. Это парадокс, воплощение тайны, опасности, бездны. Не каждый способен жить в доме, сплошь наполненном чёрным цветом, в окружении чёрных стен, ковров, стеллажей, столов, стульев и кухонной утвари. Майкл противился такому экстремальному подходу к домашнему уюту, покупка каждой вещи чёрного цвета давалась Адель с трудом, что же касается спальни – здесь она была полновластной хозяйкой, здесь всё, включая постельное бельё, было выдержано в абсолютном чёрном цвете, которого, по её мнению, не может быть «чуть больше» или «чуть меньше».

Ночью, после продолжительной прелюдии дрожащий от нетерпения Майкл попытался войти, но Адель плотно сомкнула ноги:

– Ты никуда не войдёшь! Никакого интима!

В недоумении он вскрикнул: «Что??!»

Она спокойно продолжила: «Я забочусь о твоей безопасности. Ты перевозбудился, сердце колотится, как бешеное, а вдруг оно не выдержит?! Нет, я слишком люблю тебя, чтобы позволить тебе умереть во время секса».

– Пожалуйста, Адель, я не могу сдерживаться!

– Ты должен уметь сдерживаться. Если ты сможешь контролировать свой эмоциональный выхлоп, то станешь органичной частью окружающего мира.

Супруги стали пререкаться. Майкл, хоть и извинился за то, что резко разговаривал днём по телефону, в своё оправдание стал приводить известные ему случаи, когда девушки без сопровождения мужа оказывались в опасном месте и с ними происходили разные ужасные вещи. И во всех несчастных случаях есть доля вины самой жертвы. Адель предъявила за его грубый тон:

– Ты плохо со мной разговаривал!

– Да, но я был прав!

– Нет ничего скучнее иногда, чем быть правым.

Потомив его ровно столько, чтобы он прочувствовал свою вину, она позволила ему войти, и они занялись любовью.

* * *

Груженный металлоконструкциями Dodge Ram остановился возле одноэтажного с мансардой дома, выполненного в немецком стиле, фасады его были украшены декоративными деревянными фахверками. Открылась дверь, из грузовика выбралась миссис Юргенс и прошла в дом.

По кухне слонялся Клэй, планомерно на ходу уничтожая начиненную свиной булочку.

– Ты приехала, мам!

Бросив взгляд на улицу, он спросил:

– Разгрузить заготовки?

– Нет, я завтра отвезу на фирму, это под новый заказ.

– Ну тогда я пойду поиграю в Battlefield?

– Что, такая интересная игра?

– Да, мам, очень!

Клэй направился в свою комнату, а его мать следующий час употребила на то, чтобы погуглить симптоматику заболеваний уха. И прервалась, услышав звонок. Она открыла дверь – на пороге стоял молодой человек в синей униформе:

– Добрый день, миссис Юргенс, на вашей улице снова праздник, и всё благодаря мистеру Спейси!

Она подозрительно разглядывала визитёра, а также синий микроавтобус с надписью «Spydee», припаркованный рядом с её пикапом. Молодой человек, в свою очередь, был озадачен неприветливым приёмом странной женщины с недобрый мужским лицом.

– Что не так?

Она продолжала молчать, подозрительно его разглядывая, и он сказал:

– Вы меня не узнаете? Я Алекс, из компании Spydee Inc., я доставил вам презенты по поручению мистера Спейси.

И он озадаченно промямлил, что вот уже три раза за последние полгода доставлял ей посылки, а до этого доставкой занимался другой сотрудник. Наконец, она позволила ему пройти в холл, а сама направилась в комнату сына.

– Поднимайся, бездельник! – крикнула она с порога. – Надо разгрузить машину.

Клэй с явным сожалением оторвался от компьютера:

– Но, мам, ты же разрешила мне поиграть Battlefield!

– Давай, давай, одни игры на уме.

Он взмолился: «Но если я прямо сейчас выйду из игры, то потеряю 1000 очков и не выйду на следующий уровень!»

Но мать была непреклонна:

– Ты совсем не заботишься о матери, которая работает день и ночь, чтобы обеспечить семью!

Он повёл плечами, помычал, и эти действия означали одновременно возмущение и вынужденное согласие выполнить материнский приказ. Ему пришлось оторваться от игры. В прихожей он взял матерчатые перчатки и вышел на улицу. При виде синего микроавтобуса его лицо просияло.

– В этот раз радиоуправляемый вертолёт и новый Barnett, всё как ты просил прошлый раз, – обратился к нему Алекс.

– Ништяк бы кого-нить из арбалета застрелить!

Слово «застрелить», ключевое в его словаре, Клэй повторил ещё несколько раз, пока дошёл до проезжей части. Когда Алекс открыл боковую дверь микроавтобуса и обернулся, то увидел, что понукаемый матерью Клэй приступил к разгрузке пикапа. Она руководила сыном, помогала ему, и, войдя в процесс, полностью игнорировала присутствие человека, который доставил подарки. Недоуменный взгляд Алекса выражал предельное непонимание того, что происходит.

– Миссис Юргенс... эээ... вы позволите, это одна... пять минут – вы распишетесь в получении подарков, и я запишу на видео, как ваш сын... это условие мистера Спейси...

Но сколько бы он ни просил её повременить с разгрузочными работами, она отвечала отказом: сначала дело, потом удовольствия. И Алекс был вынужден присоединиться к Клэю, вдвоём они управились за пятнадцать минут – перенесли железные заготовки из кузова пикапа в гараж. После чего миссис Юргенс позволила сыну принять подарки, расписалась в их получении, и прошла в дом. Оттуда, из зарешеченного окна она наблюдала, как он позирует перед видеокамерой, произносит слова благодарности мистеру Спейси и распаковывает коробки. Алекс проинструктировал, как запускать вертолёт, они совершили пробный запуск. Затем Клэй три раза выстрелил из арбалета в дерево – что опять же было снято на видеокамеру.

– Я сейчас напишу сообщение мистеру Спейси на Myspace, – сказал он на прощание.

Когда он вытаскивал стрелы из дерева, Алекс садился в машину. Клэй помахал ему алюминиевой, с острым стальным наконечником, стрелой.

В свою комнату он вошёл вместе с матерью.

– Что за подозрительный мистер Спейси?

– Новый Barnett ништяк: оптический прицел, все дела!

Она повысила голос:

– Отвечай мне: ты познакомился с ним на Myspace?

– Да, мам, мы переписываемся.

– Переписываетесь?

– Ну ты же знаешь, мам.

Она покачала головой: «Знаю-то знаю, только всё это слишком подозрительно выглядит».

– Что, мам?! Он же присылает мне подарки!

– А почём я знаю, может, он гомик?

– Что? Что такое «гомик»?

– Тебе лучше не знать. Это заразная болезнь.

– Ну, я тогда пойду постреляю из арбалета?

– Пстой! Покажи мне ещё раз этого Спейси на сайте. И научи меня пользоваться этими соцсетями, чтобы я могла сама сюда свободно заходить.

Он открыл свою страницу на Myspace и разлогинился, чтобы мать не проникла в переписку.

– Почему он не снимает рекламные ролики с твоим участием? – полувопросительно сказала миссис Юргенс. – И не сделает тебя профессиональным актёром? Ведь с самого начала это было основным условием нашего сотрудничества. Он сам вышел на тебя в интернете, ему понравилась твоя фотогеничная внешность, он стал снимать тебя на видео, а воз и ныне там. Небось, использует отснятые ролики для рекламы присылаемых игрушек, продавцом которых он является, а тебе как актёру не платит, подачками отделяется.

Клэй безразлично хмыкнул:

– Ну, может, я пойду на улицу постреляю?

Она продолжила свои рассуждения, хаотично кликая на все подряд иконки, не обращая на него внимания, и он незаметно удалился.

Через два часа он вернулся в дом и обнаружил мать на том же месте – в кресле за компьютером, она полулежала, запрокинув голову, глаза её были закрыты. Она не откликнулась, когда он её позвал и не отреагировала на прикосновение – она была без сознания.

– Ма-а-ам! – он с силой встряхнул её.

По её телу прошла судорога, и она вытянулась в струнку. Лицо мученически скорчилось. Клэй схватил телефонную трубку, чтобы вызвать неотложку, что за последнее время ему приходилось делать всё чаще и чаще. Миссис Юргенс немного расслабилась: боль отпустила её.

* * *

Анестезиолог Джамал Хамиди крутил перед Майклом напёрстки.

– Кручу-верчу-обмануть-хочу, – звучал его прокуренный шепоток.

– Ну ты жулик! – сказал Майкл, в очередной раз не угадав, под каким напёрстком находится шарик.

– Ловкость рук, и никакого мошенничества.

– Займись лучше делом! В операционной как в микроволновке, у нас что, сплит-система не работает?

Когда они пришли в операционную, Джамал взял в руки пульт, выставил температуру и доложил:

– Ну вот, отрегулировал.

– Да уж, – сказал Майкл, поёживаясь. – Теперь тут можно мясо хранить.

Перед Майклом на операционном столе лежал пациент с полным заращением наружного слухового прохода. Предстояла внутриушная операция отоластики, первоначально Майкл склонялся к следующему варианту операции – широкое обнажение полостей среднего уха и эвисцерация их, но теперь изменил своё решение и решил оставить барабанную перепонку и цепь слуховых косточек, то есть фактически выполнить консервативную радикальную операцию. По поводу данного клинического случая он консультировался с иногородними коллегами, именитыми докторами, ждавшими от него результаты хирургического вмешательства, которые намеревались обсудить на видеоконференции.

Майкл сосредоточенно приступил к операции. Периодически в его памяти всплывали подробности минувшей ночи и он сладко улыбался – под маской его коллеги не могли видеть выражение его лица.

На сороковой минуте в операционной появилась Марта, облаченная в стерильный халат, бахилы и маску:

– Доктор Гудмэн, там у нас настоящая катастрофа! По скорой помощи поступила пациентка с пауком в ухе!

Старшая операционная сестра и ассистент велели Марте вести себя потише, а анестезиолог Джамал, который в этот момент был свободен, вывел её обратно в предоперационную. Майкл никак не отреагировал на инцидент, он был всецело поглощен операцией и уже продумывал, как будет комментировать свои действия на конференции.

Марта, которую нейтрализовал Джамал, смогла пробиться к шефу только после операции, когда он вернулся в свой кабинет. Она наблюдала за ним нетерпеливым взглядом, пока он просматривал отснятое в операционной видео, делал пометки в блокноте и поглощал приготовленные для него бутерброды с сёмгой. Наконец, заметив её присутствие, он махнул рукой: мол, говори.

Она взволнованно приступила к рассказу – два часа назад скорая помощь привезла в клинику пациентку, которая, увлекаемая собственным воображением, отмеченным печатью доселе невиданного умопомешательства, утверждает, что в её ухо забрался ядовитый паук, она чувствует, как он у неё там ползает и грызёт мозг, и жалуется на сильнейшие боли.

Майкл усмехнулся: «Полагаю, её уже препроводили в психушку?»

– Да, это не наш пациент, – откликнулась Марта. – Врач скорой помощи, который приехал на вызов, сразу поставил диагноз умопомешательства, хотя и не является ЛОР-врачом. Дежурный врач в нашей клинике подтвердил это, но для очистки совести сделал рентген – никакого паука там нет в помине.

– Как, говоришь, её зовут?

Она назвала. Расслышав имя, он побледнел. Зрелище было ещё то – не каждый день его розовощёкое лицо становилось таким, будто его облили кислым молоком. Было от чего расстроиться: Клара Юргенс – это явно не то имя, которое радует медработников Седарс-Синай.

Итак, сумбур, царящий в голове вдовы Юргенс, стал понемногу проясняться: она решила, что главной её проблемой является поселившийся в ухе паук.

Майкл отпил сок.

– Тогда чего вы ждёте, почему медлите с отправкой в психиатрическую клинику?

– Понимаете, позвонил Карл Юргенс из Управления наркоконтроля и настойчиво попросил, чтобы мы обошлись должным образом с миссис...

Майкл поперхнулся, покраснел и закашлял. Марта похлопала его по спине, но он долго не мог откашляться.

– Господи, опять этот мистер Юргенс, – наконец, он пришёл в себя.

– Да, и он хочет срочно с вами переговорить, так же, как и потерпевшая, она требует, чтобы вы немедленно сделали ей операцию и вытащили паука из её уха.

Тут зазвонил мобильный телефон.

– Он звонил вам на мобильный раз десять, – сообщила Марта. – Я сказала, что вы в операционной.

Майкл взял со стола свой мобильный телефон и передал ей: «Скажи, что я ещё не освобожден, я пока не готов с ним разговаривать». Взяв трубку, она ответила на звонок.

Когда она закончила разговор и отключила трубку, он спросил, где сейчас находится миссис Юргенс, и в каком она состоянии. Марта позвонила в приёмное отделение, и, узнав информацию, доложила: «Ей закапали в ухо Отипакс, сказав, что это лекарство убьёт паука и ввели внутримышечно 25 мг аминазина, что было согласовано с невропатологом – наш врач связался с неврологией, где она наблюдается. По мнению невропатолога, у неё маниакальное возбуждение, психическое расстройство, обусловленное ажитированной депрессией на фоне пресенильного психоза».

Майкл потянулся к трубке:

– Вот это похоже на правду. Надеюсь, её родственничек, господин Юргенс, позволит нам отправить её по нужному адресу.

Первый звонок был сделан Артуру Уомаку, которому тоже приходилось сталкиваться с вдовой Юргенс – разбирать жалобы, ходить в суд, и так далее. Узнав о новом витке её безумия, он удрученно сказал:

– Опять эта чокнутая вдовушка! Да уж... на своём веку я повидал немало народу, но по-моему, никому другому никогда не удавалось создавать настолько мрачную атмосферу.

* * *

Этим вечером, за коктейлем возле бассейна, Майкл рассказывал жене про неизбежную, как смерть, вдову Юргенс, от которой шарахаются все врачи, и которая и его не обошла стороной; впрочем, говорил он задумчиво, с некоторым юмором:

– ...она поведала доктору, собиравшему анамнез, что уже очень давно знала, что станет жертвой паука. Она ссылалась на не оставляющие никаких сомнений признаки – паутина по всем углам дома, которой с каждым днём становится всё больше, резистентность пауков к современным инсектицидам, свидетельствующая о том, что это новый вид пауков-мутантов, которые охотятся на людей. И вот случилось то, что должно случиться – отвратное членистоногое заползло к ней в ухо и ползает, передвигая мохнатыми лапками по лабиринтам её ушной полости.

Смотря на город поверх бассейна, Адель мягким и задумчивым голосом сказала:

– Вот видишь, до чего доводит нетерпимость. Говорят, Клара Юргенс третировала своего мужа, изводила его всякими немыслимыми придирками, и довела беднягу до могилы.

– То был несчастный случай, авария.

– Хотя... с другой стороны, во всех несчастных случаях есть доля вины самой жертвы.

– С чего ты взяла?

Она выразительно посмотрела на него:

– Ты сам так сказал.

* * *

Трудно остановить стрелу в полёте – так же, как миссис Юргенс на пути к реализации своих безумных замыслов. Положительно, эта фурия задалась целью заставить Майкла пройти все возможные степени удивления. Пройдясь бульдозером по охранникам, медсёстрам, всем тем, кто обеспечивал нормальную спокойную работу доктора Гудмэна, она ворвалась в его кабинет, и он получил ни с чем не сравнимое удовольствие снова лицезреть её брутальную вывеску, фигуру, отличающуюся изрядной обремененностью, телесностью, наблюдать, как её грузное тело тяжело ступает по полу.

Теперь, когда мучительница получила к нему доступ, сидя на стуле против него, она вопрошала:

– Разве я похожа на идиотку? Предъявите мне паука, которого вы вытащили из моего уха!

Майкл отвечал ей, что вчера ей закапали в ухо специальные анти-паучиные капли, которые умертвили паука, после чего он был извлечен из ушной полости и на всякий случай кремирован – пока сама она находилась в состоянии медикаментозного сна.

– В моём ухе поселился паук, которого вы должны немедленно вытащить, – сказала она с утвердительной интонацией.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.